

Лина Штерн - первая женщина-профессор Женевского университета | Lina Stern, première femme professeure de l'Université de Genève

Автор: Лейла Бабаева, [Женева](#) , 31.10.2012.

Слева направо: летчица Полина Гельман, физик Пелагея Кочина, физиолог Лина Штерн, оперная певица Дебора Пантофель-Нечецкая, середина 1940-х (sovietjewry.tumblr.com)

Женева помнит и чтит память первой женщины-профессора своего Университета Лины Штерн (1878-1968), выдающегося доктора-физиолога, которой предстояло стать первой женщиной в составе Академии наук СССР, а затем пройти испытания сталинских репрессий.

|
Première femme professeure de l'Université de Genève et première femme à intégrer l'Académie des sciences de l'URSS, Lina Stern (1878-1968) a connu tous les honneurs avant d'être jugée puis condamnée à l'exil par le régime soviétique.

Lina Stern, première femme professeure de l'Université de Genève

Стефан Цвейг писал о королеве Франции Марии-Антуанетте: королева грации и

красоты, она стала под конец жизни царицей всех страданий. Нечто подобное можно было бы сказать и о [Лине Штерн](#), только в области научных достижений. Первая во всем – первая женщина среди профессуры Женевского университета, первая женщина-академик Советского Союза, исследовательница с мировым именем, достигшая вершины почета у себя на родине, она затем подверглась преследованиям и унижениям, чудом избежала расстрела, и – в отличие от несчастной супруги Людовика XVI – под конец жизни была реабилитирована.

Лина Штерн, начавшая свой путь к вершинам науки в стенах Женевского университета и продолжившая его в научной среде СССР, обладала выдающимися личностными качествами. Сильная личность, «железная леди», дама, влюбленная в науку – называйте, как угодно, но образ Лины все равно предстает, прежде всего, в ореоле женской нежности и хрупкости. Женщина всегда остается женщиной – дочерью, матерью, женой. И даже тем немногим отчаянным девушкам, которые в конце XIX века отважились посвятить себя научной работе, предстояло долго и упорно доказывать, что они созданы не только для ведения домашнего хозяйства, приготовления пирогов и вязания чулок, но и для более высоких сфер человеческих достижений.

Лина Штерн родилась 26 августа 1878 года в Латвии (в то

Лина Штерн в начале своей научной карьеры (berkovich-zametki.com) время именовавшейся Курляндским герцогством). Ей пришлось пробивать себе дорогу на научный Олимп – мало того что барышня, да еще и еврейского происхождения. Курляндия отличалась пестрой языковой палитрой: тут говорили на латышском, немецком, русском и идише. Ее родная семья говорила на немецком языке. Отец занимался коммерцией и располагал средствами, достаточными, чтобы его жена и семеро детей ни в чем не испытывали нужды. По окончании средней школы старшая дочь Лина, которая увлекалась научной работой, столкнулась с досадным препятствием: она не могла поступить ни в один российский университет – в царские времена они были открыты лишь для мужчин. Существовали, правда,

особые женские институты, но туда, по преимуществу, принимали православных студенток.

Остановило ли это будущего доктора-физиолога? Нет, Лина приняла решение – ехать на берега Лемана в Швейцарию. В Женевском университете в 1900 году атаковали гранит науки 200 студентов из Российской империи, а в 1908-м - уже 785, то есть, больше сорока процентов от общего числа.

На медицинском факультете Лина быстро выделилась живостью ума и вскоре опубликовала первую научную статью - о внутренней секреции почек.

Окончив обучение в 1904-м, она намеревалась вернуться в Россию, чтобы стать практикующим врачом, но получила письмо от своего преподавателя Жана-Луи Прево, который удержал ее в Женеве должностью ассистентки в своей лаборатории.

В Женевском университете, теперь уже в статусе ассистентки, Лина Штерн занялась исследованием еще малоизученного явления - «клеточного дыхания», процесса, позволяющего преобразовывать пищу в энергию.

Следующее десятилетие исследовательница провела с большой пользой: в печати появилось около тридцати научных статей, принесших Лине Штерн и Федерико Баттелли мировую славу. Баттелли – преемник Прево на посту руководителя лаборатории. Неизвестно, какие отношения сложились у молодой ассистентки с Жаном-Луи Прево, но с его преемником не было и тени сердечности. Трудно было работать в атмосфере соперничества, отношения между двумя ведущими сотрудниками лаборатории явно портились.

Профессор медицинского факультета Женевского университета и автор нескольких статей о русской исследовательнице Жан-Жак Дрейфус объяснил в интервью журналу *Camrus*: «Это были два противоположных друг другу человека. Насколько первая была живой, свежей и полной энтузиазма, настолько другой являлся интровертом, неуверенным в себе, консерватором. Некоторые неопубликованные до сих пор письма, хранящиеся в Женевской библиотеке, показывают, что в центре конфликта был финансовый вопрос: Баттелли не хотел делить на двоих суммы, получаемые за контракты, которые они вместе заключили с фармацевтической промышленностью».

Разумеется, вечно так продолжаться не могло, и с 1914 года Лина Штерн неоднократно угрожала уйти со своего поста. Администрация университета, наконец, снизошла к ее требованиям: 15 февраля 1918 года она стала первой женщиной в истории Женевского университета, получившей звание экстраординарного (внештатного) профессора физиологической химии. Кто будет указывать профессору, каких сотрудников выбирать, какие определять темы для исследований? Вопрос риторический. К тому же, ее статьи с этого момента могли похвастаться лишь ее заслуженной подписью, без дописка в виде подписи вышестоящего Баттелли.

Но вновь возникли финансовые трудности: новоиспеченному профессору не дали ни прибавки к зарплате, ни бюджета для исследований. Оставалось продолжать работу, призывая на помощь энтузиазм.

Но и здесь ее характер (которому позавидовал бы не один мужчина) пришел ей на помощь. Исследовательница сформулировала понятие гематоэнцефалического барьера для описания механизмов циркуляции растворенных веществ между кровеносной системой и спинномозговой жидкостью.

Это – лишь первые шаги. Также Лина Штерн разработала метод прямых инъекций в черепную коробку, что давало относительно прямой доступ к головному мозгу. Эта теория первый раз была представлена на собрании Женевского медицинского общества в 1921 году.

Почему столь ясной голове не выделили дополнительных средств на исследования, остается загадкой. Но чтобы продолжать движение в удачном направлении, ей следовало перейти на должность ординарного (штатного) профессора.

Казалось, эта должность уже у нее в руках, но при известии о ее скором назначении в прессе поднялся некрасивый шум (звучали слова «большевичка», «социалистка», «еврейка») - на свете мало людей, у которых одни только друзья, и Лина Штерн не принадлежала к их числу.

В такой сложной ситуации исследовательница ответила согласием на предложение Алексея Баха, с которым она познакомилась в Женеве. Бах занимал видное положение в СССР - советский биохимик и физиолог растений, академик АН СССР (с 12 января 1929 года), Герой Социалистического Труда (1945), лауреат Сталинской премии первой степени, он считается основоположник советской (российской) биохимии. Сам вернувшийся в Россию в мае 1917 года после почти двухдесятилетий проведенных в Европе (включая Швейцарию), он предложил Лине продолжить научную деятельность в Москве. В 1925 году Штерн вернулась в Советскую Россию.

Решение стало судьбоносным: через несколько лет Лина Штерн руководила исследовательским институтом (основанным в 1929 году), выпускала газету – «Бюллетень биологии и экспериментальной медицины» и наслаждалась почестями, соответствующими ее рангу и той пользе, которую она приносила обществу. В 1938 году Лина Штерн стала первой женщиной-членом Академии наук СССР (1938).

Ее кипучая и плодотворная деятельность не могла остаться незамеченной, и в 1943 году она стала обладательницей Сталинской премии, а позднее к коллекции наград добавились ордена Красной Звезды и Трудового Красного Знамени.

Ее повседневная жизнь могла стать предметом зависти - дача, машина с шофером и возможность путешествовать в свое удовольствие.

С другой стороны, не забудем и про человеческий фактор. Да, в СССР приехала восходящая звезда науки. Да, для страны это – большая удача. Но в общении с коллегами не все складывалось радужно. По-русски Лина Штерн говорила с сильным акцентом, ее одежда и украшения не вписывались в круг воззрений общества, выросшего из пролетарской революции. В довершение всего, она не принадлежала к числу учеников Нобелевского лауреата 1904 года Ивана Павлова. Советский патологоанатом Яков Рапопорт (1898-1996), карьера которого состоялась под руководством Лины Штерн, так вспоминал об исследовательнице: «Объективность заставляет меня признать, что ее характер не располагал к себе окружающих. В ее внешности не было ничего привлекательного, она была, скорее, маленькой и при

этом полной, носила короткие волосы. Ее характер и отношения с близкими были крайне изменчивы».

Впрочем, до поры никто не ставил ей в вину ее вспыльчивый темперамент, тем более, что направление ее работы совершенно устраивало власть. Особенно уместной оказалась деятельность Лины Штерн во время Второй мировой войны. Удачно применяя свой метод введения растворов непосредственно в спинномозговую жидкость, ученая работала сразу в трех направлениях: лечение столбняка, уход за ранеными солдатами и разработка метода, помогающего лечить туберкулезный менингит. Ее работы публиковались в таких крупных иностранных журналах, как Nature, The British Medical Journal.

Ей удалось, используя стрептомицин, тайно ввезенный из США, впервые в СССР вылечить туберкулезный менингит. Впрочем, спасенная Линой девочка потеряла слух, и при этом никто не мог сказать наверняка, что выздоровление произошло именно благодаря методу Штерн. В этой связи Жан-Жак Дрейфус отметил: «Проблема в том, что нет статистики, которая дала бы возможность оценить реальное значение такой работы. Кроме того, применяемые дозы редко указывались в точных пропорциях. Ее работа вызывала неоднозначные оценки».

Тучи на небосклоне ученой собрались в послевоенные годы. Власти стали смотреть на всех, у кого были контакты с Западом, как на врагов политического режима.

Так и вышло, что в 1947 году Лина Штерн лишилась своего института, а через два года, январской ночью, в ее дверь постучали сотрудники НКВД. Исследовательницу обвинили в антисоветском заговоре и подготовке террористических актов.

Познакомившись на собственном опыте с застенками Лубянки, впавшая в немилость ученая прожила в ссылке в городе Тараз на краю Казахстана до 1953 года, после чего смогла вернуться в Москву. Грозовые тучи над ее головой развеялись довольно быстро. Она снова получила звание академика и должность в институте, хотя официально реабилитирована была только в 80 лет - в 1958-м.

Лина Штерн не пала духом, с улыбкой спрашивала у друзей, как они восприняли «эту генеральную репетицию ее похорон».

Звезда советской и мировой науки ушла из жизни 7 марта 1968 года, до последних дней работая над биологическими эффектами радиации. В сумме ее научное наследие насчитывает более 250 статей.

[Женевский университет](#)
[русские ученые в Швейцарии](#)
[Женева](#)

Статьи по теме

[Русские исследовательницы в Женевском университете](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/14385-0>